О численности населения и мобилизационном потенциале Великой Армении: ответ на критические замечания В. А. Дмитриева

Айвазян Армен М.
к.и.н., д.п.н., (Ереван, РА)
https://orcid.org/0009-0003-2724-7695
armenayvazyan@gmail.com

УДК: 94 (479.25, 55); **EDN:** IUEJOV
DOI: 10.58587/18292437-2026.5-137
Ключевые слова и словосочетания: Великая Армения, Армия «Армения», мобилизационный потенциал, численность армянского населения, численность войск, историческая демография, *Зоранамак*, *гугаз*

Մեծ Հայքի բնակչության թվաքանակի և զորահավաքային ներուժի մասին. պատասխան Վ. Ա. Դմիտրիևի քննադատական դիտողություններին

Այվազյան Արմեն Մ.
պ. գ. թ., բ. գ. դ. (Երևան, ՀՀ)

Ամփոփագիր. Սույն հոդվածում քննության են առնվում Վ. Ա. Դմիտրիևի քննադատական դիտողությունները Մեծ Հայքի բնակչության թվաքանակի և զորահավաքային ներուժի այն գնահատականների վերաբերյալ, որոնք առաջադրվել են Արմեն Այվազյանի՝ 2016 թ. հրատարակված, 449–451 թթ. հայ-սասանյան պատերազմին նվիրված մենագրության մեջ: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում Մեծ Հայքի՝ IV դարի սկզբի բնակչության թվաքանակը մոտ 4,15 միլիոնից մինչև 1,5 միլիոն նվազեցնելու Դմիտրիևի առաջարկին, որը հիմնված է աշխարհասփյուռ հայության ներկայիս թվաքանակից և Իտալիայի ներկայիս բնակչության թվաքանակից կատարված հետադարձ արտարկման՝ էքստրապոլյացիայի վրա: Հոդվածում հիմնավորվում է, որ նման մեթոդը պատմական և ժողովրդագրական առումով անհիմն է, քանի որ անտեսում է Հայաստանի և հայ ժողովրդի ժողովրդագրական պատմության խորապես ոչ գծային բնույթը՝ ներառյալ կրկնվող պատերազմներ, զանգվածային բռնագաղթեր, համաճարակներ, ցեղասպանություններ, արտագաղթ և ձուլումը: Մոտ 4,15 միլիոն բնակչի գնահատականը վերաքննվում է գրավոր ուղղակի վկայությունների և պատմական զուգահեռ տվյալների լույսի ներքո՝ մասնավորապես Մեծ Հայքի տարածքային բնդգրկման և նրա միացյալ բանակի թվաքանակի հաշվառմամբ. այս բոլոր տվյալները միասին հաստատում են նշված ցուցանիշը:
Հետագա վերլուծությամբ մերժվում է նաև Հանս Դելբրյուկի հաշվարկած՝ Պունիկյան երկրորդ պատերազմի ժամանակ (մասնավորապես՝ մ. թ. ա. 218–216 թթ.) Հռոմի ազատ բնակչության 6,5–7,5 տոկոսանոց զորահավաքային ցուցանիշը IV դարի Մեծ Հայքի նկատմամբ կիրառելու Դմիտրիևի փորձը: Համեմատական տվյալները ցույց են տալիս, որ զորահավաքի մակարդակները էապես տարբերվել են տարբեր հասարակություններում և պատմական ժամանակաշրջաններում՝ կախված տվյալ պատմական հանգամանքներից, ուստի չեն կարող դիտվել որպես համընդհանուր գործակիցներ: Հայկական տվյալները՝ ներառյալ *Զորանամակը* (IV դարի պաշտոնական «Զորքերի գրանցամատյանը»), հայկական դաշտային բանակների թվաքանակի և իրական զորահավաքների վերաբերյալ տեղեկությունները, հիմք են տալիս եզրակացնելու, որ Մեծ Հայքի միացյալ «Հայաստան» բանակի սահմանված թվաքանակը կազմել է մոտ 120 000 զինվոր: Բացի այդ, *գուգազի* (աշխարհազորային անկանոն ուժերի) լրացուցիչ զորահավաքը կարող էր բանակի ընդհանուր թվաքանակը հասցնել 150 000-ի կամ ավելիի:
Հանգուցաբառեր և բառակապակցություններ՝ Մեծ Հայք, «Հայաստան» բանակ, զորահավաքային ներուժ, հայության թվաքանակ, զորաքանակ, պատմական ժողովրդագրություն, Զորանամակ, գուգազ

On the Population and Mobilization Potential of Great Armenia: A Response to V. A. Dmitriev's Critical Remarks

Ayvazyan Armen M.
Doctor of Political and Historical Sciences (Yerevan, RA)

Abstract. This article examines V. A. Dmitriev's critical remarks on the estimates of the population and military mobilization potential of Great Armenia advanced in Armen Ayvazyan's 2016 monograph on the Armenian-Sasanian War of 449–451. Particular attention is given to Dmitriev's proposed reduction of the population of Great Armenia in the early fourth century from approximately 4.15 million to 1.5 million, based on a retrospective extrapolation from the present-day size of the Armenian ethnonational group worldwide and the current population of Italy. The article argues that such a method is historically and demographically untenable, since it disregards the profoundly nonlinear demographic history of Armenia and the Armenian people, including repeated wars, mass deportations, epidemics, genocide, emigration, and assimilation. The estimate of approximately 4.15 million inhabitants is reassessed in light of

direct written testimonies and other available historical evidence, including Great Armenia's territorial extent and the strength of its combined army, which collectively corroborate this figure.
The analysis further rejects Dmitriev's application to fourth-century Great Armenia of the 6.5–7.5 percent mobilization rate that Hans Delbrück derived for Rome's free population during the Second Punic War (particularly during 218–216 BC). Comparative evidence demonstrates that mobilization rates varied substantially from one society and historical period to another, depending on specific circumstances, and therefore cannot be treated as universal coefficients. Armenian evidence—including the *Zoranamak* (the official fourth-century "Register of Troops"), data on the strength of Armenian field armies, and records of actual mobilizations—supports the conclusion that the established strength of the combined Army of Armenia was approximately 120,000 troops. Furthermore, additional mobilization of the *gugaz* (irregular popular militia forces) could raise the total to 150,000 or more.
Keywords & phrases: Great Armenia, Army of Armenia, mobilization potential, size of the Armenian population, troop strength, historical demography, *Zoranamak, gugaz*

Введение

В 2016 г. В. А. Дмитриев опубликовал развернутую и в целом положительную рецензию на нашу монографию «Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения» [**6**]. Отмечая обоснованность сделанных в ней выводов и кропотливую работу с первоисточниками, рецензент особо подчеркнул, что примененный нами сравнительный анализ различных переводов и оригинальных древнеармянских текстов позволил прийти к выводам, отличающимся «определённой (подчас – значительной) новизной и оригинальностью» [**16**, с. 234–235]. В заключение Дмитриев назвал монографию «фундаментальной работой», отметив также ее «необычайную актуальность» [**16**, с. 240]. В английском резюме рецензии общая оценка сформулирована еще определеннее: проведенный анализ, по словам автора, позволяет заключить, что наша работа «стала значительным событием как в военной историографии, так и в арменоведении» [**16**, с. 241].

Вместе с тем рецензент высказал ряд принципиальных критических замечаний, наиболее существенные из которых касаются двух непосредственно связанных между собой вопросов – численности населения Великой Армении в начале IV в. и ее военно-мобилизационных возможностей в IV–V вв. Эти замечания заслуживают отдельного рассмотрения, поскольку затрагивают не только количественные оценки, предложенные в нашей монографии, но и методы, посредством которых такие оценки могут проверяться и реконструироваться.

В настоящей статье последовательно рассматриваются аргументы В. А. Дмитриева относительно, во-первых, численности населения Великой Армении и, во-вторых, количественного состава ее войск и доли населения, которая могла быть мобилизована. Примечательно, что в качестве одного из примеров новизны нашей работы сам рецензент специально отмечает именно предпринятый в ней анализ структуры армянского войска IV–V вв. [**16**, с. 235]

1. Численность населения Великой Армении в начале IV века

В упомянутой монографии, исходя из соответствующих сообщений *Հայոց պատմություն* – «Истории Армении [и армян]», традиционно именуемой «Историей Агафангела (Агатангелоса)» [**2**, **3**] и, согласно принятой нами атрибуции, изложенной в начале IV в. секретарем-хронологом армянского царя Трдата III Давидом Римским[1], – был сделан вывод, что в 301–302 гг. население царства Великая Армения составляло более 4 млн человек – по нашей более точной оценке, около 4 150 000 человек. Эта цифра включает более 4 млн гражданского населения и более 150 000 воинов объединенной Армии Армении [**6**, с. 91–116; ср.: **3**, §832, 833, 835. с. 464].

В. А. Дмитриев подвергает эту оценку сомнению и предлагает существенно уменьшить предполагаемую численность населения Великой Армении в начале IV в. — примерно до 1,5 млн человек. Поскольку именно эта демографическая оценка служит затем исходной величиной для его расчета возможной численности армянских войск, рассмотрим сначала аргументацию рецензента относительно населения Великой Армении, а затем перейдем к его возражениям по поводу ее военно-мобилизационного потенциала.

Учитывая, что население Италии, составлявшее, по используемой им оценке, около 7–8 млн человек в начале нашей эры, к настоящему времени увеличилось примерно в 8–9 раз, Дмитриев предлагает «условно считать примерно равными» темпы роста итальянского и армян-

[1] По анализу А. Мушегяна, «История Агафангела» первоначально была изложена на греческом языке еще в начале IV в. Давидом Римским, секретарем-хронологом армянского происхождения, приглашенным Трдатом III Великим из Рима. Переложение же этого исторического произведения на армянский язык осуществил Католикос Саак Партев в 410-х гг. «Агафангел» (по-гречески Благовещатель) представляет собой священный титул Григория Просветителя, данный ему Давидом Римским [см.: **24**, с. 196–222]. Об «Истории Агафангела» как о памятнике IV в. см. также [**10**, с. 21–24, 111, 190–201, 203–205].

ского населения на протяжении почти двух тысячелетий. Поскольку современную численность армян он принимает за 10–12 млн человек, из такого сопоставления делается вывод, что при населении Великой Армении в 4 млн человек в начале IV в. армян в настоящее время должно было бы насчитываться 32–36 млн; соответственно, исходная цифра в 4 млн объявляется завышенной. Затем путем обратного деления современной численности армян на принятый для Италии коэффициент роста Дмитриев получает для начала IV в. около 1,5 млн человек [**16**, с. 238]. Предложенный В. А. Дмитриевым способ проверки численности населения Великой Армении в начале IV в. посредством обратной экстраполяции современной численности армянского этноса представляется методологически несостоятельным.

Дмитриев не приводит историко-демографических оснований для переноса коэффициента изменения численности населения одной страны за почти два тысячелетия на совершенно другую страну и другой этнос. Между тем долговременная динамика населения не может быть сведена к действию некоего постоянного коэффициента роста. Она представляет собой результат множества разнородных и неодинаково воздействующих факторов, в том числе: войн и массовых истреблений, эпидемий и голода, насильственных переселений, эмиграции и иммиграции, изменений границ и территории расселения, благоприятных или тяжелых хозяйственных условий, а в случае армянского – или любого другого частично диаспорального – этноса также многопоколенной ассимиляции в иноэтничной и инокультурной либо политически неблагоприятной среде. Поэтому население может в одни периоды значительно возрастать, в другие – сокращаться, иногда катастрофически, затем частично восстанавливаться и вновь терпеть огромные потери. Допущение Дмитриева о том, что темпы роста населения Италии и армянского этноса можно «условно считать примерно равными», остается необоснованным; между тем именно на нем строится весь последующий расчет. При этом даже принятая им исходная численность населения древней Италии не является бесспорной: цитируемый самим Дмитриевым У. Шайдель подчеркивает значительную неопределенность существующих реконструкций [**35**][2].

Несостоятельность такого обратного счета особенно наглядно обнаруживается при его применении к обществам, пережившим крупные демографические катастрофы. Так, согласно реконструкции Л. Ньюсон, коренное население Америк сократилось приблизительно с 50–60 млн человек накануне европейской колонизации до 5–6 млн к середине XVII в., то есть примерно в десять раз; некоторые этнические группы исчезли полностью, другие подверглись глубоким демографическим, этнокультурным и языковым трансформациям [**34**, P. 143–145]. В результате завоевания и последовавших за ним эпидемий, войн, миграций, ассимиляционных процессов и метисации существенно изменилась и сама этнодемографическая картина обширных областей Америки.

Если бы численность населения доколумбовых государств Мезоамерики и Анд — например, Ацтекской империи или инкского Тауантинсуйу, представлявших собой сложные полиэтнические образования, — определялась путем обратной экстраполяции от современной численности отдельных коренных народов этих регионов (науа, кечуа, аймара и др.) с применением условного коэффициента долговременного роста населения, то полученный результат был бы методологически ненадежным. По существу, именно такого рода методологическую операцию Дмитриев применяет к армянам. Подобный метод полностью игнорирует нелинейный характер демографического развития: между исходной «точкой А» (XVI в.) и конечной «точкой Б» (современность) лежит катастрофический демографический спад, за которым последовали длительные и интенсивные процессы восстановления населения, миграций, аккультурации, ассимиляции и генетического смешения (метисации), сопровождавшиеся глубоким изменением этнической структуры региона. Следовательно, универсальной пропорции между численностью того или иного населения в отдаленном прошлом и численностью его потомков в современную эпоху не существует.

Кроме того, в расчете Дмитриева сопоставляются разнородные демографические величины. Современные приблизительно 60 млн жителей Италии – это население определенной государственной территории, тогда как 10–12 млн армян – оценка численности армянского этноса, представители которого расселены во многих государствах мира. Столь же неправомерно отождествлять население Великой Армении начала IV в. с общей численностью тогдашнего армянского этноса. Сам Дмитриев утверждает, что в IV в. такое отождествление допустимо, поскольку армянская эмиграция еще не началась

[2] Именно на эту электронную версию работы Шайделя ссылается В. А. Дмитриев. В ней сам Шайдель подчеркивает, что применительно к численности населения римской Италии даже порядок величины остается предметом острых научных споров: “...even the appropriate order of magnitude remains a matter of intense dispute” [**35**, p. 2].

и подавляющее большинство армян проживало в пределах Армянского царства [**16**, с. 236, прим. 6]. Однако многочисленное армянское население задолго до IV в. существовало также за пределами Великой Армении – прежде всего в Малой Армении, а также в сопредельных областях Северной Месопотамии и Адиабены. Поэтому фигурирующие в нашем расчете приблизительно 4,15 млн жителей Великой Армении в 301–302 гг. и общая численность армянского этноса относятся к изначально различным демографическим категориям.

Разумеется, количественные сведения древних исторических источников требуют критической проверки. Древние цифры не следует ни *априори* принимать, ни *априори* отвергать – их следует проверять. Такая проверка должна проводиться прежде всего путем их сопоставления с другими известными параметрами соответствующего государства и общества.

В рассматриваемом случае сообщение «Истории Армении и армян» Давида Римского о численности населения Великой Армении в 301–302 гг. вполне согласуется с известными данными о территориальных масштабах и других характеристиках Армянского царства. По расчетам С. Т. Еремяна, территория Великой Армении в 66–37 гг. до н. э. составляла 312 795 кв. км, а в 37–387 гг. н. э. — 285 195 кв. км; даже в 363–387 гг., после территориальных потерь, ее фактическая площадь все еще составляла 272 798 кв. км.[3] Таким образом, непосредственно для интересующего нас периода 301–302 гг. расчетная площадь Великой Армении составляет 285 195 кв. км. Близкую оценку – около 310 тыс. кв. км – Еремян приводит для территории Армении после Арташатского договора 66 г. до н. э., заключенного между Тиграном II и Помпеем [**19**, с. 707].

Территориальные размеры Великой Армении отмечались уже античными авторами. Помпей Трог, в сохранившемся у Юстина изложении, характеризовал ее следующим образом: «*Нельзя обойти молчанием столь большое царство, так как размеры его, после Парфии, превосходят величиной все остальные царства. А именно: Армения простирается от Каппадокии до Каспийского моря на одиннадцать сотен тысяч шагов; в ширину же протяжение ее семьсот тысяч шагов*» [**28**, XLII.2.7–10. с. 226]. Это свидетельство особенно существенно в данном контексте: античный автор не просто сообщает линейные размеры страны, но прямо характеризует Армению как царство, размеры которого после Парфии превосходили размеры всех остальных царств.

Если соотнести полученную выше оценку населения Великой Армении в 301–302 гг., составляющую около 4,15 млн человек, с рассчитанной Еремяном площадью государства в этот период – 285 195 кв. км, то средняя плотность населения составит приблизительно 14,6 человека на квадратный километр[4].

Необходимо учитывать также объём военных сил Великой Армении, который, согласно целому ряду исторических свидетельств, в I в. до н. э. – IV в. н. э. превышал 100 тыс. человек. Таким образом, реконструируемая нами по свидетельству «Истории Агафангела» численность населения Армянского царства – около 4,15 млн человек – не может рассматриваться изолированно и заранее признаваться неправдоподобной без анализа других демографических, территориальных и военно-исторических данных.

Еще существеннее то обстоятельство, что подобная арифметическая операция практически полностью игнорирует демографическую историю собственно Армении и армянского народа. Уже немногим более чем через полвека после исходной для нашего расчета даты – 301–302 гг. – Великая Армения пережила тяжелейшую демографическую катастрофу. Во время великого пленения 367–368 гг., осуществленного войсками сасанидского шаханшаха Шапура II, согласно Павстосу Бузанду, из Тигранакерта, Арташата, Вагаршапата, Ервандашата, Зарехавана, Заришата, Вана и Нахчавана было угнано в общей сложности 236 тыс. семейств («домов») [**25**, IV.24, 55, 58. С. 111, 133–134, 136–137; ср.: **6**, 100–101]. Бузанд прямо связывает с этими событиями последующее уменьшение числен-

[3] С. Т. Еремян рассчитывает территорию Великой Армении в 66–37 гг. до н. э. в 312 795 кв. км, в 37–387 гг. н. э. – в 285 195 кв. км, а ее фактическую территорию в 363–387 гг. – в 272 798 кв. км. [**17**, с. 118]. Показательно также, что Р. Хьюсн проводит четкое различие между территорией Великой Армении и значительно более широким пространством исторической Армении, площадь которой он, по несколько завышенной, на наш взгляд, оценке, определяет приблизительно в 238 тыс. кв. миль (около 616 тыс. кв. км), отмечая при этом, что более половины традиционных земель Армянской монархии было утрачено уже в IV в. н. э. [**33**, p. 5].

[4] Следует отметить, что вопрос о численности населения Древней Армении уже затрагивался в армянской историографии, причем предлагавшиеся оценки были достаточно высокими, хотя и не сопровождались развернутым историко-демографическим обоснованием. Так, Т. Х. Акопян оценивал население Древней Армении в 4–5 млн человек при средней плотности 13–17 человек на кв. км [11, с. 74–75]; С. Т. Еремян – население Армении в I в. н. э. в 3,5 млн человек [18, с. 842] и т. д.; ср.: [6, с. 104–105, прим. 217]. Полученная нами средняя плотность населения – около 14,6 человека на кв. км – находится, таким образом, в пределах указанного Акопяном диапазона 13–17 человек на кв. км.

ности армян: «А число армян с тех пор стало убывать и убывать» (*Իսկ թիւն Հայոց պակասեաց յայսմ հետէ եւ յապա*) [**25**, IV.50. с. 124; **26**, 306].

Принятая в нашей монографии 2016 г. оценка приблизительно 2 млн депортированных на данном этапе исследования представляется завышенной, поскольку едва ли имеются достаточные основания полагать, что приводимые Бузандом количества «домов» обозначали именно расширенные патриархальные семьи, а не семейные домохозяйства вообще [**6**, с. 100–101]. Поэтому в настоящей статье (а также в готовящемся к изданию переработанном и дополненном варианте монографии) для приблизительного расчета принято значительно более осторожное допущение – в среднем пять человек на домохозяйство. Однако и при таком существенно пониженном коэффициенте описываемая Бузандом депортация могла охватить порядка 1,2 млн жителей Великой Армении, не считая погибших в ходе военных действий и иных сопутствовавших им демографических потерь.

И это был лишь один из многочисленных демографических ударов последующих столетий. Население Армении неоднократно несло огромные потери вследствие иноземных нашествий и продолжительных войн, массовых убийств и пленения, насильственных переселений, эпидемий, голода и вынужденной эмиграции. Крупнейшие потрясения были связаны, в частности, с арабскими вторжениями и войнами VII–IX вв., сельджукскими нашествиями XI в., монгольскими и последующими нашествиями XIII–XIV вв., а позднее – с почти беспрерывными войнами между Османской империей и Сефевидским Ираном в 1501–1639 гг. и сопровождавшими их массовыми насильственными или вынужденными перемещениями населения. Речь идет, таким образом, не об одном или двух исключительных демографических кризисах, после которых население неизменно возвращалось к прежней траектории роста, а о многократных разрывах самого процесса его воспроизводства.

Размах таких потрясений особенно хорошо прослеживается на значительно лучше документированном материале XVII–XVIII вв. В ходе организованных шахом Аббасом I массовых депортаций начала XVII в. из Восточной Армении и сопредельных областей во внутренние районы Сефевидского Ирана было переселено порядка полумиллиона армян, из которых, по имеющимся данным, 250–300 тыс. погибли в пути и в местах последующего расселения [**5**, с. 235–258, 589]. В дальнейшем войны, голод, эпидемии, новые депортации и эмиграция продолжали существенно влиять на численность армянского населения [**5**, с. 318–335, 585–594][5]. Многие села, города и целые провинции подвергались полной депопуляции [**5**, с. 88, 110, 214, 247–248, 407, 575]. К концу XVIII в. численность армян, как и всего населения на территории бывшего Сефевидского Ирана, многократно сократилась, а во многих провинциях и областях (например, в Арцахе) – в десять и более раз [**5**, с. 268–317 (итоговый расчет по населению Арцаха – с. 315), 587]. Демографическая динамика здесь представляла собой не непрерывную кривую роста, а чередование разрушительных войн, массовых перемещений и высокой смертности с периодами частичного восстановления.

Наиболее разрушительным демографическим потрясением новейшего времени стал Геноцид армян в Османской империи и сопутствовавшие ему массовые убийства и изгнания конца XIX – начала XX в. В нашей более ранней работе четыре основных этапа массового уничтожения армян в 1894–1922 гг. были оценены в совокупности более чем в 2 млн прямых человеческих потерь: около 300 тыс. в 1894–1896 гг., 30 тыс. в 1909 г., 1,5 млн в 1915–1916 гг. и около 300 тыс. в 1918–1922 гг. [**7**, с. 32–33].

Демографические последствия этих событий отнюдь не исчерпывались числом непосредственно погибших. Вместе с людьми уничтожались исторически сложившиеся армянские общины и их церковные, образовательные, общественные и иные национальные структуры; огромные массы уцелевшего населения были изгнаны со своей исторической родины и рассеяны по различным странам. Лишь часть этого населения смогла вновь организоваться вокруг собственных национальных институтов, тогда как другая его часть, оказавшись включенной в чужую социально-культурную среду, постепенно подвергалась ассимиляции [**7**, с. 32; **8**]. Следовательно, к непосредственной физической убыли необходимо прибавлять не поддающиеся простому арифметическому учету многопоколенные демографические потери, обусловленные эмиграцией, рассеянием и ассимиляцией.

К этому следует добавить последующие крупные человеческие потери XX в.: массовые репрессии 1920–1930-х гг. в Советской Армении и других республиках СССР, гибель около 300 тыс. армян во Второй мировой войне (в особенности в 1941–1945 гг.), 25–30 тыс. погибших при землетрясении 1988 г. в северных областях Армянской ССР, потери в ходе Арцахской войны, а также огромную постсоветскую эмиграцию из Республики Армения. Таким образом,

[5] См. в особенности гл. XII «Крупнейшие удары, нанесенные демографии восточных армян в XVII–XVIII веках», а также итоговое русское резюме этого исследования.

современная численность армян определяется не только итогами семнадцати столетий естественного воспроизводства населения, но и неоднократными огромными демографическими потерями, вызванными вышеперечисленными трагическими событиями и длительными этнодемографическими процессами.

В этой связи не убеждает и замечание Дмитриева о том, что Италия также пережила тяжелые эпидемии VI и XIV вв., последствия которых он считает «вполне сопоставимыми с ударом, нанесенным по армянскому этносу турецким геноцидом и другими такого рода событиями» [**16**, с. 237, прим. 8]. Такая сопоставимость сама нуждается в доказательстве и не может вводиться в качестве самоочевидной предпосылки. Для историко-демографического сравнения недостаточно указать на наличие крупных катастроф у обоих народов. Необходимо учитывать их относительный масштаб по отношению к исходной численности населения, повторяемость, продолжительность и территориальный охват, последующие миграционные потоки, возможность возвращения населения, коренное изменение этнического состава территории и долговременную ассимиляцию потомков изгнанных.

Таким образом, полученная Дмитриевым путем обратного счета цифра около 1,5 млн человек не представляет собой оценки, полученной из историко-демографических данных о самой Великой Армении начала IV в. Она является лишь математическим следствием заранее принятого, но исторически неверного допущения о сходстве долговременной демографической динамики населения Италии и армянского этноса. Поэтому такой расчет не может служить аргументом против свидетельств источников и вытекающей из их анализа реконструкции численности населения Великой Армении в начале IV в. – и тем более не может использоваться в качестве исходной величины для последующей оценки ее мобилизационных возможностей.

2. Численность Армии Армении и мобилизационные возможности страны

Перейдем теперь ко второй части аргументации Дмитриева. Приняв полученную им посредством рассмотренного выше обратного расчета численность населения Великой Армении приблизительно в 1,5 млн человек, рецензент обращается к данным Г. Дельбрюка, согласно которым в годы наивысшего военного напряжения Римской республики III в. до н. э. в ее вооруженных силах было задействовано 6,5–7,5% свободного населения. Перенося этот коэффициент на Великую Армению, Дмитриев получает приблизительную численность армянского войска в 100–110 тыс. человек. Этот показатель он сопоставляет со 120-тысячной численностью Армии Армении по «Зоранамаку» и, опираясь на близость двух величин, заключает, что данным последнего «вполне можно доверять»[6].

Прежде всего, следует заметить, что полученные Дмитриевым 100–110 тыс. человек не выведены из имеющихся данных о численности и структуре армянского войска. Эта величина является результатом двух последовательных экстраполяций, построенных на недоказанных предпосылках. Сначала из предполагаемого, но исторически ложного сходства долговременной демографической динамики Италии и армянского этноса выводится численность населения Великой Армении примерно в 1,5 млн человек, а затем к уже полученной таким образом численности населения применяется коэффициент мобилизации, полученный на материале Римской республики III в. до н. э. Поэтому совпадение конечного результата со 120-тысячной численностью Армии Армении по «Зоранамаку» не подтверждает правильности исходного расчета: оно целиком зависит от двух произвольно выбранных исходных допущений, оба из которых применительно к Великой Армении безосновательны.

Кроме того, при обращении непосредственно к Дельбрюку выясняется, что значения 6,5–7,5% имеют гораздо более конкретный смысл. Исходя из общей численности свободного населения собственно Римского государства примерно в 1 млн человек, Дельбрюк определял число находившихся под оружием римлян в 216 г. до н. э. приблизительно в 66 тыс., то есть в 6,5%; с учетом погибших в предыдущих кампаниях 218–217 гг. эта доля повышается приблизительно до 7,5% [**15**, с. 251, 255, 258]. При этом речь идет именно о римских гражданах, а не обо всем свободном населении Римско-италийского союза: сам Дельбрюк особо отмечал, что римские граждане составляли лишь около трети всех свободных граждан союза, тогда как численность войск италийских союзников должна учитываться отдельно, несмотря на невозможность столь же точного расчета [**15**, с. 258].

В более ранних расчетах, основанных на данных переписей и Полибия, мобилизационное

[6] Рецензент пишет: «по данным Г. Дельбрюка, доля свободного населения Древнего Рима, задействованного в вооруженных силах республики в III в. до н. э. … составляла 6,5–7,5%»; применяя этот показатель к Великой Армении, он получает для армянского войска 100–110 тыс. человек и сопоставляет результат со 120 тыс. «Зоранамака» [**16**, с. 238].

напряжение Рима оценивалось еще выше: первоначально Дельбрюк исчислял «боевое напряжение» римских граждан не менее чем в 9,5% всего населения, однако впоследствии снизил этот показатель [**15**, с. 258]. После поражения при Каннах в 216 г. до н. э. Рим провел всеобщую мобилизацию и на протяжении последующих 16 лет содержал армию, в которой служило более 30% взрослого мужского населения и почти 10% всего свободного населения [**23**, с. 65; **1**, с. 34]. В условиях этой чрезвычайной мобилизации римляне прибегли к формированию новых легионов из уцелевших, призыву юношей моложе обычного призывного возраста и даже созданию легионов из рабов, которым была обещана свобода. Иными словами, даже применительно к одному и тому же государству уровень мобилизации существенно менялся в зависимости от характера и напряженности войны.

Сопоставлять эти проценты непосредственно с 6,5–7,5% Дельбрюка, однако, следует с учетом различия знаменателей: в наших расчетах доля армянских воинов определяется по отношению ко всему населению Великой Армении, тогда как у Дельбрюка речь идет о свободном населении собственно Римского государства, без союзников. Именно эти различия еще раз показывают, почему римский коэффициент нельзя принимать за нормативный для Армении.

Еще нагляднее относительность подобных коэффициентов обнаруживается при обращении к другим историческим примерам. В 1800–1815 гг. во Франции через войска прошло около 3,154 млн человек – приблизительно 11,55% населения страны и около 23% мужского населения; в России – около 2,301 млн человек, или 5,27% всего населения и более 10% мужского; в Англии – около 793 тыс., или 4,9% населения и примерно 10% мужского населения [**27**; **5**, с. 31–32]. В совершенно иной военно-социальной среде – у монголов эпохи преемников Чингисхана – действующая армия, по оценке Дж. М. Смита, могла охватывать практически все взрослое мужское население, то есть примерно пятую часть всего населения [**36**, p. 283; **5**, с. 32–34]. В СССР в годы Второй мировой войны через вооруженные силы прошло около 34,5 млн человек – примерно 20% довоенного населения и порядка 40% мужского населения [**5**, с. 34–35].

Эти примеры приводятся, разумеется, не для механического переноса французского, русского, монгольского или советского опыта на Древнюю Армению. Напротив, они показывают методологическую несостоятельность самого такого переноса. Уровень мобилизации даже в одном и том же государстве существенно изменялся в зависимости от характера и продолжительности войны, степени внешней угрозы, военно-социальной организации, хозяйственной структуры, системы комплектования войска и реальной военно-политической обстановки. Поэтому выделение одной определенной величины – римских 6,5–7,5% – и использование ее в качестве расчетного коэффициента для Великой Армении методологически неправомерно.

В отношении самой Великой Армении мы располагаем значительно более непосредственными данными. Так, сведения о некоторых общинах в ее западной провинции Тарон показывают, что при общей численности 14 452 хозяйств они регулярно предоставляли в совокупности 14 400 воинов, в том числе 6270 всадников и 8130 пехотинцев. В данном случае каждый дым должен был насчитывать в среднем 9–10 человек и, следовательно, представлял собой патриархальную семью. Таким образом, общая численность жителей этих городищ и деревень составляла приблизительно 140–145 тыс. человек, а выставляемое ими войско – примерно одну десятую этой численности [**6**, с. 106–107; **20**, с. 1026][7]. Сходное соотношение между количеством семей и числом рекрутов обнаруживается и значительно позднее, в известном указе императора Маврикия 602 г., согласно которому из Армении предполагалось набрать 30 тыс. всадников и для этого переселить во Фракию 30 тыс. армянских семей [**6**, с. 107; **30**, p. 18].

Еще один важный материал относится к середине XIII в. При проведенной монголами в 1254 г. переписи в Грузинском (или Грузино-армянском) царстве – включавшем большинство центральных, северо-восточных и восточных провинций Армении, т. н. Закарянскую Армению – было зарегистрировано 90 тыс. новобранцев из расчета один человек на каждых десять взрослых податных крестьян-мужчин. Следовательно, общее число последних должно было составлять около 900 тыс. человек. Если принять, что за каждым из них стояло отдельное крестьянское хозяйство со средним составом семьи в пять человек, сельское население царства составляло

[7] Принятие в данном случае условного среднего значения в пять человек на дым привело бы к явно завышенной мобилизационной нагрузке: 14 400 воинов приходились бы приблизительно на 72 тыс. жителей, то есть составляли бы около одной пятой всего населения этих общин. Такое соотношение нереалистично применительно к регулярно выставлявшемуся ими воинскому контингенту. О необходимости в каждом отдельном случае определять вероятную численность обозначаемой в исторических источниках семейно-хозяйственной единицы (семья, дом, дым, домохозяйство), поскольку соответствующие термины могли обозначать как малую, так и расширенную семью, см.: [**5**, с. 166–180, 207, 425–426, 451–452].

приблизительно 4,5 млн человек. С учетом условной оценки числа горожан примерно в 500 тыс. общая численность жителей царства могла достигать 5 млн человек [**29**, p. 551; **22**, с. 262–263; **36**, p. 283][8].

При этом зарегистрированные 90 тыс. человек были именно новобранцами, которые должны были пополнить уже находившиеся в действующих войсках десятки тысяч армян и грузин. Поэтому в результате проведенной монголами мобилизации общая численность армяно-грузинских сил в 1254 г. могла составить приблизительно 150 тыс. человек. При населении около 5 млн эти 150 тыс. воинов составляли примерно 3% общей численности жителей – долю, в несколько раз меньшую, чем рассмотренное выше соотношение в общинах Тарона и при наборе, предусмотренном указом Маврикия. Такое различие могло объясняться либо тем, что монголы были не в состоянии призвать больше людей из разоренной и ослабленной страны, либо тем, что они считали формирование более многочисленной армяно-грузинской армии опасным для самих себя [**5**, с. 35–36]. В любом случае этот пример еще раз показывает, что масштабы мобилизации определялись конкретными историческими условиями и требованиями военного времени и потому не могут быть сведены к единому нормативному коэффициенту.

В этой связи небезынтересно, что Дж. Смит подвергал сомнению возможность существования в середине XIII в. в пределах Грузинского царства населения численностью 4–5 млн человек, сопоставляя эту величину с гораздо меньшей численностью населения Грузии в XIX в. [**36**, p. 283]. Подобный прием методологически близок к использованному В. А. Дмитриевым обратному демографическому расчету применительно к Великой Армении начала IV в.: в обоих случаях демографическая ситуация спустя многие столетия неправомерно используется для оценки численности населения в намного более раннюю эпоху без достаточного учета масштабных демографических потрясений промежуточного периода.

Особое значение имеет «Зоранамак» – официальный государственный «Регистр войск» IV в., устанавливавший количество и определявший порядок распределения воинской силы, поставляемой каждым из нахарарских домов в объединенную армию царства Великая Армения. В нем перечислены 86 нахарарских родов и их воинские контингенты, распределенные между четырьмя группировками – Северной, Южной, Восточной и Западной армиями. Суммарная численность этих нахарарских войск составляет около 84 тыс. человек; с учетом четырех царских корпусов общая численность Армии Армении по «Зоранамаку» достигала 120 тыс. бойцов. Следовательно, приблизительно 36 тыс. приходилось на собственно царскую армию. Эта структура подтверждается и сопоставлением с другими древнеармянскими источниками, прежде всего с данными Павстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци [**6**, с. 383–386, 400–409; вкладыш: Схема 7. «Организационная структура Армии Армении в IV в. (по данным “Зоранамака”, Бузанда и Хоренаци)»].

При этом крупные цифры древних авторов в моих работах неизменно подвергаются критическому рассмотрению. Еще в 1998 г., специально анализируя сообщаемые Павстосом Бузандом сведения о численности персидских войск, я подчеркивал, что, хотя встречающиеся у него явно завышенные цифры нельзя принимать буквально, они не дают оснований отрицать описываемые им события. Наличие числовой гиперболы само по себе не опровергает историчность события. Критический подход к таким данным должен заключаться в проверке каждого отдельного сообщения и, по возможности, в реконструкции стоящих за ним реальных величин. Так, сопоставляя четыре последовательных сообщения Бузанда о персидских армиях численностью 10 тыс., 48 тыс., 180 тыс. и 400 тыс. человек, я признал первые две цифры вполне вероятными, а последние две – невозможными и предложил конкретное текстологическое объяснение их завышения: «*в автографной рукописи Павстоса вместо восемнадцати тем (180 000) было восемнадцать тысяч (18 000), а вместо сорока тем (400 000) – сорок тысяч (40 000), то есть в одном и другом случае появился лишний ноль. И, по всей вероятности, эта ошибка была внесена в рукопись позднее, одним из переписчиков*» [**9**, с.

[8] При этом сам Смит отмечает, что при наборе войск из оседлого населения монголы обычно призывали одну десятую часть взрослых мужчин [**36**, p. 286; ср.: *там же*, p. 282]. Получаемую из данных грузинской хроники численность населения в 4,5 млн человек Смит считал неправдоподобной, в частности потому, что в начале XIX в. население Грузии оценивалось приблизительно в 225 тыс., а в 1897 г. – в 1,3 млн человек. При этом он, по-видимому, не учитывал, что в XIII в. Грузинское царство включало также густонаселенную часть Армении площадью порядка 40 тыс. кв. км (наш приблизительный расчет по карте: [**13**]), вследствие чего проводимое Смитом сопоставление оказывается проблематичным в двух отношениях: оно касается как эпох, разделенных более чем шестью столетиями, так и существенно различавшихся по территории политических образований. Подробный разбор этих данных и расчет численности населения Грузино-армянского царства см.: [**5**, с. 35–36].

181–182][9]. В монографии 2016 г. этот же подход был применен и к сведениям Бузанда о численности армянских войск: сообщаемые им в двух случаях цифры в 400 тыс. и 600 тыс. воинов были прямо охарактеризованы как «заведомо завышенные» и «недостоверные» [**6**, с. 409, прим. 881; ср.: **25**, IV.20–21. с. 103, 108].

Существенно и то, что количественные преувеличения такого рода отнюдь не являются особенностью одной лишь армянской историографической традиции. Завышенные сведения о численности войск и особенно о потерях противника нередко встречаются и в греко-римских источниках, что, разумеется, не исключает необходимости их источниковедческого анализа. В работе 1998 г. я приводил в этой связи характерное сообщение римского историка IV в. Феста о победе Галерия над персидским царем Нарсе: выступив с 25-тысячным войском, Галерий внезапно напал на лагерь «неисчислимых» персидских сил и подверг их уничтожению [**31**, 25.2–3. P. 65–66; ср.: **4**, с. 238–239; **9**, с. 182][10]. Подобная риторическая гиперболизация требует критической оценки отдельных количественных элементов рассказа, но не позволяет отвергать сообщение в целом.

Поэтому общее замечание Дмитриева о моем «недостаточно критическом» использовании содержащейся в первоисточниках информации еще не позволяет судить о достоверности приводимых в них количественных данных. Каждое такое сообщение требует самостоятельной проверки путем его сопоставления со всем корпусом других свидетельств о демографических и экономических возможностях страны, ее военно-социальной организации, характере и потребностях войны, организационных и морально-идеологических условиях мобилизации. Особенно значительны числовые гиперболы в рассказах Бузанда о войнах царя Великой Армении Аршака II (350–368) с Сасанидским Ираном: численность отдельных персидских армий доводится до 400, 600, 800 и 900 тыс., а в ряде эпизодов – даже до 4 и 5 млн воинов[11]. Наличие в том же произведении подобных явно невозможных величин, с одной стороны, и вполне правдоподобных количественных данных – с другой, как раз и показывает, почему содержащиеся в нем цифры должны оцениваться посредством источниковедческого анализа каждого отдельного сообщения, а не их общего принятия или общего отвержения[12].

На этом фоне возражение Дмитриева против сообщения в «Истории Агафангела» о 150 тыс. воинов армянской армии требует более дифференцированного рассмотрения. Рецензент справедливо отмечает, что эта цифра на 30 тыс. превышает 120-тысячную численность Армии Армении по «Зоранамаку», и ставит вопрос, не проще ли объяснить расхождение ошибкой или преднамеренным искажением информации в источнике, чем предложенной нами трактовкой, согласно которой в данном случае к 120-тысячной Армии Армении были дополнительно привлечены 30 тыс. бойцов *гугаза* – армянских иррегулярных сил, сформированных из народного ополчения [**16**, с. 238–239; ср.: **6**, с. 98–99**]**.

Однако это возражение рецензента основано на смешении двух различных величин – установленной («штатной») численности постоянной Армии Армении и общей численности армянских войск, собранных в результате дополнительной мобилизации в связи с судьбоносными для истории Армении событиями – принятием христианства в качестве государственной религии и общенародным крещением. В нашей монографии на базе исторических сведений показано, что *гугаз* являлся реальным иррегулярным мобилизационным ресурсом, позволявшим при необходимости увеличивать численность войск сверх нормативного состава постоянной армии [**6**, с. 90, 98, 108, 218, 414–418, 428, 456, 461, 480–482]. Источники IV в. действительно упоминают в отдельные моменты совокупные армянские силы численностью 150 тыс.

[9] В указанной работе, в частности, было сформулировано следующее методологическое положение: «критический подход к его количественным данным должен выражаться не в отрицании этих сообщений (что произошло у нас), а в восстановлении реальных приблизительных цифр и работе по их уточнению, что вполне осуществимо» [**9**, с. 180].

[10] Сам Дмитриев напоминает [**16**, с. 236] о большой армии Ксеркса, вторгшейся в Грецию в 480 г. до н. э., численность боевого состава которой в рассказе Геродота достигает фантастических 2 641 610 человек, не считая такой же, по Геродоту, «численности обоза»; всего – 5 283 220 человек (**14**. Кн. VII. Гл. 184–186. с. 363–364). Миллионная численность армии Ксеркса фигурирует также у Диодора Сицилийского, Плутарха и Помпея Трога (в пересказе Юстина).

[11] См., например: [**25**], IV.26–31, с. 113–115 (400 тыс., 800 тыс., 900 тыс. и 4 млн); IV.36–38, с. 117–118 (600 тыс., 900 тыс. и 4 млн); IV.43, 45–46, с. 120–121 (900 тыс., 400 тыс. и 5 млн); IV.55, с. 130–131 (5 млн); в IV.28 Шапух посылает Азаравухта с 800-тысячным войском, в IV.29 – Дмавунда Всемакана с 900-тысячным, а в IV.30 Вахрич выступает с 4 млн персидского войска; в IV.36 Сурену приписывается 600-тысячное войско, а в IV.37 Гревшолуму – 900-тысячное; в IV.43 вновь фигурируют 900 тыс., в IV.45 – 400 тыс.; наконец, в IV.55 Шапух посылает Зика и Карена в Армению с 5 млн воинов.

[12] Аналогичный дифференцированный подход к крупным количественным данным средневековых источников применяет Дж. Смит, который, признавая необходимость критического отношения к подобным данным и возможность их художественной гиперболизации, вместе с тем предостерегает от их априорного отбрасывания [**36**, pp. 272, 279–281].

и даже 200 тыс. человек; в нашей реконструкции это позволяет ориентировочно оценивать возможный объем *гугаза* в 30–80 тыс. бойцов.

Поэтому предложенная в книге 2016 г. мобилизация дополнительных 30 тыс. человек является реконструкцией, а не самостоятельным источниковым сообщением; однако это вовсе не значит, что она произвольна. Она опирается на известное различие между установленной численностью «регулярной» (по стандартам древнего мира) армии и более широкими мобилизационными ресурсами страны. Указанные Давидом Римским 150 тыс. составляли при населении Великой Армении около 4,15 млн человек приблизительно 3,6% всего населения, около 7% всех мужчин и порядка 11% взрослого мужского населения [**6**, с. 98][13]. Эти соотношения не выходят за пределы исторически засвидетельствованных уровней мобилизации.

Примечательно, что при населении Великой Армении около 4,15 млн человек армия в 120 тыс. составляла бы лишь около 2,9% населения, в 150 тыс. – 3,6%, а даже чрезвычайная мобилизация 200 тыс. человек – около 4,8%. Таким образом, сами по себе рассматриваемые для Великой Армении показатели в 120–200 тыс. воинов отнюдь не предполагают аномально высокого уровня мобилизации.

Наконец, дополнительную возможность проверки дают события конца 449 – начала 450 г., когда уже после раздела Великой Армении и в условиях Армянского марзпанства была проведена крупная мобилизация для восстания против Сасанидской державы. Проведенная в нашей монографии реконструкция показывает, что общая численность мобилизованных армянских сил могла достигать приблизительно 90–95 тыс. человек, причем около 10–15 тыс. из них должны были оставаться в крепостных гарнизонах [**6**, с. 81–90]. Это особенно существенно потому, что речь идет уже не о Великой Армении начала IV в., а об Армянском марзпанстве середины V в. с его значительно сократившимися территорией и населением. Численность войска Вардана Мамиконяна[14] при Аварайре – 66 тыс. человек – отражала лишь часть этого мобилизационного потенциала [**6**, с. 217–218][15].

Таким образом, приведенные Дмитриевым 100–110 тыс. человек, как и полученная им ранее оценка населения Великой Армении (1,5 млн человек), не являются результатом реконструкции, основанной на данных по истории самой Великой Армении. Эта цифра представляет собой математическое следствие предварительно принятой демографической оценки и применения к ней заимствованного у Дельбрюка коэффициента мобилизации Римского государства – 6,5–7,5% от численности его свободного населения (причем этот коэффициент, как было показано выше, не был постоянным и варьировался в зависимости от периода и конкретных обстоятельств). Между тем первоисточники позволяют реконструировать значительно более сложную систему: установленный («штатный») состав объединенной Армии Армении – около 120 тыс. человек, выделявшиеся из нее менее крупные полевые армии, обычно насчитывавшие от 10 до 70 тыс. бойцов, и дополнительные иррегулярные силы, мобилизация которых в условиях особого военного или политического напряжения могла доводить общее количество войск до 150 тыс. и более.

[13] В нашей работе доля 150 тыс. воинов во взрослом мужском населении Великой Армении была ориентировочно определена в 12–13%; для сравнения возрастных рамок военной службы приводились римские и византийские мобилизационные нормы, предусматривавшие набор мужчин с 18 лет, при обычной на практике службе и после 40 лет [**6**, с. 98, прим. 196; ср.: **32**, p. 261]. Согласно используемой в исследованиях по античной демографии модели Coale–Demeny (Model West), мужчины старше 17 лет составляли приблизительно треть всего населения [см.: **37**, p. 14; Тейлор (Taylor) подчеркивает приблизительный характер этой модели]. Поэтому здесь наша прежняя оценка уточнена до приблизительно 11%.

[14] Можно согласиться с замечанием В. А. Дмитриева о том, что в русском языке удобнее употреблять форму «Мамиконян» вместо «Мамиконеан» [**16**, с. 239]. Этим советом мы воспользуемся при подготовке второго издания монографии, хотя в классическом арменоведении существует иной подход к передаче на русский язык древнеармянских дифтонгов [см., например: **12**, с. 100; **21**, с. 205]. Именно он нашел отражение во всех последних переводах Егише на русский язык, где последовательно употребляется форма «Мамиконеан».

[15] К весне 451 г. первоначально мобилизованные силы Варданидской Армении существенно сократились. Во второй половине 450 – начале 451 г. на сторону персов перешли Васак Сюни и ряд других старших нахараров вместе со значительной частью своих войск, часть из которых, однако, вышла из их подчинения и влилась обратно в Армянскую Армию; по нашей ориентировочной оценке, в конечном счете лишь около 5 тыс. армян сражались в составе сасанидской армии, в том числе при Аварайре, а еще порядка 10 тыс. человек выбыло из состава Армянской Армии вследствие потерь, понесенных в боях 449–450 гг., особенно в ходе разгрома васаковского мятежа в конце 450 г., а также последовавших за ним неизбежных деморализации и дезертирства разгромленных сил [**6**, с. 182–183]. В результате весной 451 г. Армянская Армия насчитывала в общей сложности приблизительно 75–80 тыс. бойцов. Из них 10–15 тыс. должны были оставаться в крепостных и городских гарнизонах, состоявших преимущественно из менее подготовленных ополченческих формирований, а непосредственно на Аварайрском поле 26 мая 451 г. было выставлено, согласно очевидцу событий Егише, 66 тыс. воинов [**6**, с. 89–90].

Заключение

Рассмотренные возражения В. А. Дмитриева затрагивают важную методологическую проблему – допустимые способы проверки количественных данных древних источников. Сравнительно-исторический материал, безусловно, необходим для такой проверки: сведения о плотности населения, численности армий и масштабах мобилизации в других обществах позволяют установить общие пределы возможного и выявить демографические параметры и числовые оценки, выходящие за рамки исторической вероятности. Сравнительные коэффициенты мобилизации могут служить средством проверки исторических количественных данных, но не универсальной формулой для вычисления численности вооруженных сил другого общества.

Предложенная Дмитриевым численность населения Великой Армении около 1,5 млн человек получена путем переноса на армянский материал условного соотношения между древней и современной численностью населения Италии. Последующий расчет 100–110 тыс. воинов строится уже на этой производной величине и на применении к Великой Армении заимствованного у Дельбрюка (непостоянного!) показателя римской мобилизации в 6,5–7,5%. Близость полученного таким путем результата к 120 тыс. «Зоранамака» не делает эти две экстраполяции взаимно подтверждающими друг друга.

Источники по истории самой Великой Армении дают возможность идти иным путем: сопоставлять демографические сведения с территорией государства, плотностью населения, структурой и установленной численностью постоянной армии, местными нормами выставления воинских контингентов, сведениями о *гугазе* и конкретными мобилизациями IV–V вв. Такой анализ не снимает проблемы надежности отдельных количественных сообщений и не требует их буквального принятия. Напротив, как показывает пример Павстоса Бузанда, среди этих сведений следует различать очевидные гиперболы, вероятные ошибки и количественные сообщения, согласующиеся с параллельными историческими данными.

Проведенный анализ не означает, разумеется, что реконструируемые для Великой Армении численность населения около 4,15 млн человек и соответствующие показатели ее военно-мобилизационного потенциала могут считаться установленными с абсолютной точностью, поскольку демография Древнего мира и Средневековья (а подчас даже и нашего времени) всегда имеет дело с относительными и приблизительными величинами. Однако рассмотренные Дмитриевым сравнительные расчеты не дают оснований отвергать эти реконструкции. Напротив, совокупность рассмотренных в данной статье демографических, территориальных и военно-исторических данных по самой Великой Армении согласуется как с обоснованной в нашей монографии оценкой ее населения в начале IV в. примерно в 4,15 млн человек, так и с установленной численностью объединенной Армии Армении (Армии «Айастан»/«Армения»)[16] около 120 тыс. бойцов и возможностью ее увеличения путем дополнительной мобилизации до 150 тыс. человек и более.

Список использованной литературы

1. **Авербух М. С.** Войны и народонаселение в докапиталистических обществах : опыт историко-демографического исследования / М. С. Авербух. – М. : Наука, 1970. – 136 с.
2. **Агатангелос.** История Армении / пер. с древнеарм., вступ. статья и комм. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатяна. – Ереван : Наири, 2004. – 336 с.
3. **Агатангелос**. История Армении [и армян] / древнеарм. текст подг. Г. Тер-Мкртчян и Ст. Канаянц (Тифлис, 1909) ; паралл. пер. на современный арм. яз. А. Тер-Гевондяна. – Ереван : Изд-во ЕрГУ, 1983. – На арм. яз.: «Ագաթանգեղայ Պատմութիւն Հայոց» : Աշխ.՝ Գ. Տէր-Մկրտչեան և Ստ. Կանայեանց (Թիֆլիս, 1909) և զուգահեռ աշխարհաբար թարգմ. ու ծանոթ.՝ Արամ Տեր-Ղևոնդյանի. – Եր. : Երևանի համալսարանի հրատարակչություն, 1983. – 700 с.
4. **Адонц Н.** Фауст Византийский как историк / Н. Адонц // Христианский Восток. – 1922. – Т. VI, вып. 3. – С. 235–272.
5. **Айвазян А. М.** Демография восточного армянства в XVII–XVIII веках и численный состав армянского войска в 1720-х годах / А. М. Айвазян. – Ереван : Ноян Тапан, 2022. – На арм. яз.: Այվազյան Արմեն. Արևելահայության ժողովրդագրությունը XVII–XVIII դարերում և հայոց զորքի թվակազմը 1720-ական թվականներին. – Երևան : «ՆՏ Հոլդինգ», 2022. – 664 с.

[16] Рецензент возражает также против написания «Армянская Армия» с прописных букв вместо «армянская армия» [**16**, с. 239]. Однако в нашей монографии этому вопросу посвящена целая глава – «Наименования армянской армии и ее бойцов в IV—V вв.», – в которой показано, что в указанный период объединенная армянская армия, включавшая в себя царские, нахарарские и шинакано-рамикские (из низовых слоев городского и сельского населения) войска, имела ряд официальных синонимичных наименований, в том числе: *Айоц Гунд* и *Айоц Банак* (Армянская Армия, или Армия Армении), *Айастан Гунд* и *Айастан Банак* (Армия «Айастан» = Армия «Армения» = Армия Армении) или, кратко, также *Айастан* (= Армения) (подробнее см.: **6**, с. 367–375).

6. **Айвазян А. М.** Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения / А. М. Айвазян. – Ереван : Воскан Ереванци, 2016. – 516 с.
7. **Айвазян А. М.** Основные элементы для доктрины национальной безопасности Армении. Ч. 1. — 2-е изд., перераб. – Ереван : Лусакн, 2004. – На арм. яз.: Այվազյան Արմեն. Հիմնատարրեր՝ Հայաստանի ազգային անվտանգության հայեցակարգի. Մասն Ա. – 2-րդ լրամշակված հրատ. – Երևան : «Լուսակն», 2004. – 264 с.
8. **Айвазян А. М.** Стратегические последствия Геноцида армян / А. М. Айвазян // Византийское наследство. – 2002. – № 3. – С. 15–17.
9. **Айвазян А. М.** Освещение истории Армении в американской историографии: критический обзор / А. М. Айвазян. – Ереван : Артагерс, 1998. — На арм. яз.: Այվազյան Արմեն. Հայաստանի պատմության լուսաբանումը ամերիկյան պատմագրության մեջ. քննական տեսություն. – Երևան : Արտագերս, 1998. – 258 с.
10. **Айвазян К. В.** «История Тарона» и армянская литература IV–VII веков / К. В. Айвазян. — Ереван : Изд-во ЕрГУ, 1976. – 407 с.
11. **Акопян Т. Х.** Историческая география Армении (очерки) / Т. Х. Акопян. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ереван : Митк, 1968. – На арм. яз.: Հակոբյան Թ. Խ. Հայաստանի պատմական աշխարհագրություն. – Երևան : «Միտք», 1968. — 509 с.
12. **Анасян А. С.** Русский перевод «Истории Армении» Фавстоса Бузанда / А. С. Анасян // Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. – 1954. – № 12. – С. 89–102. – На арм. яз.: Անասյան Հ. Փավստոս Բուզանդի Հայոց պատմության ռուսերեն թարգմանությունը. – Տեղեկագիր հասարակական գիտությունների, № 12. էջ 89–102.
13. **Арутюнян Б. А.** Атлас истории Армении. Ч. I. Карта: «Закарянская Армения в начале XIII в. (накануне монгольских завоеваний)» ; картограф В. Г. Мхитарян / Б. А. Арутюнян. – Ереван : Макмиллан Армения, 2004. – На арм. яз.: Հարությունյան Բ. Հ. Հայաստանի պատմության ատլաս. Ա մաս. Քարտեզ՝ «Զաքարյան Հայաստանը XIII դ. սկզբին (մոնղոլական նվաճումների նախօրյակին)», քարտեզագիր՝ Վ. Գ. Մխիթարյան. – Երևան : «Մակմիլան Արմենիա», 2004.
14. **Геродот.** История в девяти книгах / Геродот ; пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Л. : Наука, 1972. – 600 с.
15. **Дельбрюк Г.** История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. Античный мир / Г. Дельбрюк. – СПб. : Наука ; Ювента, 1999. – 416 с.
16. **Дмитриев В. А.** [Рецензия на:] Айвазян А. М. Армяно-персидская война 449–451 гг. Кампании и сражения. Ер. : Воскан Ереванци, 2016 / В. А. Дмитриев // Метаморфозы истории. – 2016. – Вып. 8. – С. 231–242.
17. **Еремян С. Т.** Армения по «Ашхарацуйцу» (опыт реконструкции армянской карты VII века на современной картографической основе) / С. Т. Еремян. – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1963. – На арм. яз.: Երեմյան U. S. Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյց»-ի (փորձ VII դարի հայկական քարտեզի վերակազմության ժամանակակից քարտեզագրական հիմքի վրա). — Եր. : ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1963. – 154 с.
18. **Еремян С. Т.** Государственное устройство царства Великой Армении в I–II вв. н. э. / С. Т. Еремян // История армянского народа. – Т. I. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1971. – С. 823–846. – На арм. яз.: Երեմյան U. S. Մեծ Հայքի թագավորության պետական կառուցվածքը մ.թ. I–II դարերում. – Հ. Ա, խմբ. U. S. Երեմյան. — Եր. : ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1971.
19. История армянского народа. Т. I / отв. ред. С. Т. Еремян. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1971. – На арм. яз.: Հայ ժողովրդի պատմություն : Հ. Ա, խմբ. U. S. Երեմյան. – Եր. : ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1971. – 992 с.
20. **Иоган Мамиконеан**. История Тарона. Науч.-кр. текст на древнеарм. яз. подг. Ал. Акопян / Иоган Мамиконеан // Древние и средневековые армянские авторы. – Т. 5 (VII век). – Антилиас (Ливан), 2005. – С. 971–1126. – На арм. яз.: Յովհան Մամիկոնեան. Պատմութիւն Տարօնոյ : Աշխ.՝ Ալ. Հակոբյանի // Մատենագիրք հայոց. — Հ. Ե (Է դար). — Անթիլիաս-Լիբանան, 2005.
21. **Кусикьян И. К.** О русском переводе «Истории Армении» / И. К. Кусикьян // Византийский временник. – 1956. – Т. 10. – С. 203–207.
22. **Манандян Я. Н.** Сочинения. Т. III / Я. Н. Манандян. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1977. — На арм. яз.: Մանանդյան Հակոբ. Երկեր. Հ. Գ. — Երևան : ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1977. — 507 с.
23. **Мейер Э.** Народонаселение в древности / Э. Мейер // Народонаселение и учение о народонаселении : сборник статей из «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» Конрада / пер. с нем. под руководством С. Булгакова. — М., 1897. — С. 112–154.
24. **Мушегян А.** «История Агафангела»: обстоятельства создания, время написания и вопрос о личности автора / А. Мушегян // Историко-филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 196–222.
25. [**Павстос Бузанд**]. История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с древнеарм. и коммент. М. А. Геворгяна ; под ред. С. Т. Еремяна. – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1953. – 236 с.
26. **Павстос Бузанд.** История Армении (древнеарм. текст и паралл. перевод на совр. арм. яз.) / изд. подг. и перев. С. Малхасянц. – Ереван : Изд-во ЕрГУ, 1987. — На арм. яз.: Փավստոս Բուզանդ, Հայոց պատմություն : Թարգմ. և ծնթ.՝ Ստ. Մալխասյանցի. – Եր. : Երևանի համալսարանի հրատարակչություն, 1987. – 456 с.
27. **Цеглеев Э. А.** Военно-демографическая политика России в эпоху наполеоновских войн [Электронный ресурс] / Э. А. Цеглеев // Политика, государство и право. – 2014. – № 3– — С. 52–55. – Режим доступа: https://politika.snauka.ru/2014/03/1462 (дата обращения: 06.10.2026).

28. **Юстин.** Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» / Юстин ; пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 494 с.
29. **Brosset M.** Histoire de la Géorgie. T. I / M. Brosset. – St.-Pétersbourg : Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1849. – 694 p.
30. **Charanis P.** The Armenians in the Byzantine Empire / P. Charanis. – Lisboa : Livraria Bertrand, 1963. – 63 p.
31. **Festus**. The Breviarium of Festus: A Critical Edition with Historical Commentary / ed. J. W. Eadie. – London : The Athlone Press, 1967. – 201 p.
32. **Haldon J.** Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204 / J. Haldon. – London : UCL Press, 1999. – 389 p.
33. **Hewsen R. H.** Armenia: A Historical Atlas / R. H. Hewsen. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 2001. – 341 p.
34. **Newson L. A.** The Demographic Impact of Colonization / L. A. Newson // The Cambridge Economic History of Latin America. Vol. 1: The Colonial Era and the Short Nineteenth Century / ed. V. Bulmer-Thomas, J. H. Coatsworth, R. Cortés Conde. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – P. 143–184.
35. **Scheidel W.** Roman Population Size: the Logic of the Debate [Electronic resource] / W. Scheidel // Princeton/Stanford Working Papers in Classics. — Paper No. 070706. – July 2007. – Mode of access: https://ssrn.com/abstract=1096415 (date of access: 06.10.2026). – 37 p.
36. **Smith J. M.**, Jr. Mongol Manpower and Persian Population / J. M. Smith, Jr. // Journal of the Economic and Social History of the Orient. – 1975. – Vol. 18, № 3. – P. 271–299.
37. Taylor M. J. Finance, Manpower, and the Rise of Rome : PhD diss. / M. J. Taylor. – Berkeley : University of California, 2015. — 285 p.

Сдана / Հանձնվել է՝ 02.10.2026
Рецензирована / Գրախոսվել է՝ 09.10.2026
Принята / Ընդունվել է՝ 16.10.2026